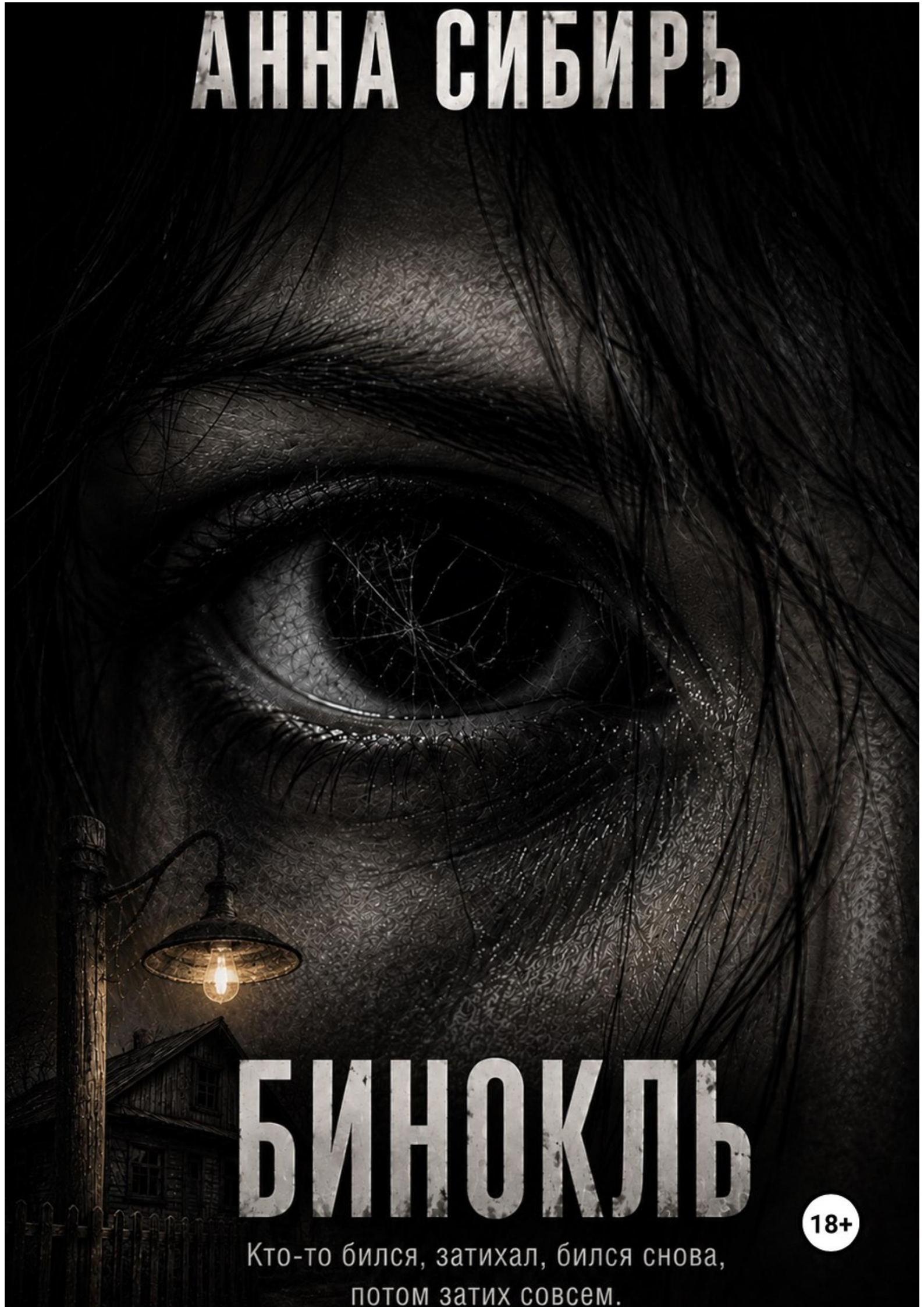

АННА СИБИРЬ

БИНОКЛЬ

Кто-то бился, затихал, бился снова,
потом затих совсем.

18+

Анна Сибирь

Бинокль

«Автор»

2026

Сибирь А.

Бинокль / А. Сибирь — «Автор», 2026

«Я не хотела возвращаться в тот дом. Сама мысль о нём вызывала отвращение. Я прожила там семь лет, но счастливых моментов могу вспомнить считанные». Она приехала туда в семь лет. Уехала в четырнадцать. Между этим — прабабушка, которая умерла; бабушка, которая молчала; дед, который приходил по ночам. И лужа между крыльцом и калиткой, которая росла с каждым годом. «Бинокль» — рассказ о том, как детство заканчивается слишком рано.

© Сибирь А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Телефон	5
Прабабушка Зоя	6
Август, семь лет	7
Десять лет	8
Бинокль	9
Девятый день	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Анна Сибирь

Бинокль

Телефон

Телефон в коридоре общежития звонил долго. Я услышала сквозь сон — сначала подумала, что показалось. Потом кто-то постучал в дверь.

— Оль, там тебя. Женщина какая-то.

Я накинула халат и вышла. В коридоре было холодно. Лампочка мигала. Трубка лежала на аппарате, скрученный шнур покачивался.

Я взяла.

— Оля?

Голос был чужой. Я не сразу узнала.

— Это мама.

Я молчала. В трубке шуршало. Где-то далеко играло радио.

— Бабушка умерла.

Слово «бабушка» она произнесла так, будто это была её бабушка. Будто она знала её лучше.

— Вчера. Ночью. Соседка нашла.

Я слушала, как она говорит. Про похороны. Про то, что приехать надо. Про дом. Что дом теперь мой. Что бабушка так распорядилась. Что бумаги у нотариуса.

Я смотрела на мигающую лампочку. Она мигала и мигала. Потом перестала.

— Оля? Ты слышишь?

— Слышу.

— Приедешь?

Я повесила трубку.

Шла обратно по коридору. Шаги эхом разносились по пустому коридору. В комнате спала соседка. Я села на кровать. На столе лежал конспект. Открытый. Чашка с недопитым чаем. Я взяла чашку. Чай был холодный, но я отпила.

За окном темно. Снег ещё не выпал. Голые ветки стучали в стекло.

Я сидела и думала, что дом теперь мой. Что я туда поеду. Что надо ехать.

А потом подумала про лужу. Про то, что она, наверное, разлилась. Осень была дождливая.

Прабабушка Зоя

Я не хотела возвращаться в тот дом. Сама мысль о нём вызывала отвращение. Я прожила там семь лет, но счастливых моментов могу вспомнить считанные. Для кого-то это просто мелочи. Но в том доме обыденность и была счастьем.

Большая часть этих светлых воспоминаний связана с прабабушкой Зоей. Когда меня привезли к ним, она уже лежала — почти не вставала. Но говорила ясно, помнила всё.

Прабабушка рассказывала мне сказки, истории из своей жизни, чаще всего — из детства. Тогда я смотрела на неё и не могла поверить, что и она когда-то была маленькой. После ужина я часто сидела у её кровати, перебирая сокровища старой шкатулки. Там лежали янтарные бусы в бархатном мешочке, серьги с крупным зелёным камнем, крошечная деревянная иконка. А ещё — стопки пожелтевших фотографий, пара открыток и обручальное кольцо прадеда. Огромное, тяжёлое. Свободно надевалось сразу на два моих пальца.

— А вот твой прадед, Оленька! Захар Петрович! — проговорила прабабушка, протягивая мне фотографию. На ней был крупный, улыбающийся мужчина в тёмном пиджаке.

— Дед твой, Коленька, весь в него! И внешне, и характер такой же упёртый, прости Господи!

Дед Коля действительно был поразительно похож на прадеда: такой же высокий, крепко сбитый, с огромными, широкими ладонями. Иногда он проходил мимо, останавливался, клал свои ладони мне на плечи и слегка сжимал. От этого прикосновения плечи тяжелели, вызывая неприятное ощущение.

Август, семь лет

Мне исполнилось семь, и мать привезла меня в этот дом. Она сказала: это на время.

Я помню сени. Низкую тахту, укрытую старыми пальто. Я сидела на ней, зажатая между двумя клетчатыми сумками. Мать появилась на пороге, бросила на меня взгляд — быстрый, чужой. Потом подошла, поцеловала в макушку — и вышла. Не обернулась.

Был август. В сентябре меня отвели в школу. Я проучилась там семь лет.

Десять лет

Прабабушки Зои не стало через три года после моего переезда. Был конец августа. Мне как раз исполнилось десять — но никто не поздравлял, готовились к похоронам. Она умирала дома — лежала, не сводя глаз с потолка, бледная, тяжело дыша. Дедушка Коля сидел рядом, а мы с бабушкой стояли. Внезапно она приподняла голову, широко распахнула глаза и рот. Бабушка тут же увела меня из комнаты, оставив деда. Мы долго стояли снаружи. Бабушка охала, прижимая руки то к груди, то к голове. Когда появился дед и сдержанно произнёс: «Всё» — она прикрыла рот рукой и всхлипнула.

После похорон дед Коля сильно запил. Он и раньше выпивал, но, видимо, осуждающий взгляд матери и её причитания служили сдерживающим фактором. К тому же, несмотря на похмелье, он исправно ходил на работу. Дед был столяром.

Бинокль

В школе меня дразнили с первого класса. Сначала просто «тощая», потом «глазастая», а после урока географии придумали главное.

Мы проходили звёзды. Учительница говорила про телескопы, про линзы, а я сидела и смотрела в окно, потому что знала: сейчас что-то будет. Я всегда знала, когда что-то будет. До звонка никто не обернулся, никто не шепнул. Но я чувствовала спиной — они смотрят.

Прозвенел звонок. Я встала, взяла рюкзак. И тут сзади кто-то сложил руки трубкой и приставил к моему затылку.

— Смотрю в телескоп! — крикнул Ванька Чижов, чтобы слышали все. — Линзы-то какие! Во, блин!

Он засмеялся. Его дружки подхватили. Я не обернулась, просто пошла к двери, сжимая лямки так, что пальцы побелели.

— Телескоп! — крикнул он в спину. — Смотри, не упади, а то разобьёшься!

А через два дня он придумал новое. Подошёл на перемене, заглянул мне в лицо снизу, сощурился и сказал:

— Нет. Это не телескоп. Телескоп — длинный. А она — короткая. Бинокль. Иди сюда, бинокль, я в тебя посмотрю!

Все засмеялись. Кто-то повторил — «бинокль». Кто-то хлопнул его по плечу. Я стояла и не двигалась, глядя в пол. Я слышала, как они смеются, и чувствовала, как лицо заливается краской. Мне хотелось стать маленькой, незаметной, раствориться в воздухе. Но глаза у меня были огромные — их было видно всегда.

С тех пор меня так и звали.

Девятый день

На девятый день после похорон прабабушки дед ушёл, прихватив с собой пару бутылок водки. Вечером бабушка Нина отправилась к соседке измерить давление. Я сидела в комнате напротив пустой, аккуратно заправленной кровати. На прикроватном столике лежали её вещи: очки, потрёпанная книжка с золотистым крестом на тёмной обложке, деревянная шкатулка и толстая записная книжка. Из неё торчал уголок альбомного листа, испачканный цветными карандашами, — самодельная открытка, которую я подарила ей на день рождения.

В сенях резко хлопнула дверь. Я вздрогнула. За дверью послышались тяжёлые шаги, затем — звук упавшего ведра и грубое ругательство.

Шаги затихли у двери в комнату. На пороге появился дед Коля, и вместе с ним в помещение ворвался густой, терпкий запах алкоголя и сигарет. Я поднялась, обошла стул и остановилась, держась за его спинку.

Дед оглядел комнату, выглянул в коридор.

— Нинка где?

— Ушла к соседке.

Хмыкнув, постоял немного, почёсывая нижнюю губу. Затем прошёл в комнату и шумно плюхнулся на кровать.

— Иди, не бойся, — позвал он, понизив голос и проведя рукой по краю постели.

Я замешкалась.

— Ну, чего встала? Иди, — повторил он, уже настойчивее, хлопнув широкой загорелой ладонью по покрывалу.

Я слотнула и двинулась к нему, но не села на кровать, а опустилась на стул.

Дед криво улыбнулся. Несколько минут мы молчали. Он пристально смотрел на меня, оглядывая с ног до головы. Я избегала его взгляда, грызла нижнюю губу. Мне отчаянно хотелось, чтобы в сенях хлопнула дверь и вошла бабушка, но этого не происходило.

— Понравилась ты бабушке Зое, Оленька, — вдруг сказал дед, подавшись вперёд и положив руку мне на колено.

Я растерянно взглянула на него.

Был конец августа. На мне — футболка и хлопковая юбка чуть выше колен.

Его горячая шершавая ладонь сжалась. Я замерла. Мне стало страшно и противно. Хотелось вырваться и убежать, но тело будто не слушалось.

— Понравилась ты ей... — протянул он скрипучим полусшепотом. — И мне понравилась.

Он подался вперёд. Меня обдало волной запаха — перегара, табака, чего-то кислого. Я закашлялась. Его рука легла мне на колено. Потом вышел. Я вцепилась в сиденье стула так, что пальцы онемели. Горло сжало. Я не могла дышать.

В сенях хлопнула дверь.

Ладонь разжалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.